

ПАРЕМИИ В КОНТЕКСТЕ: СПОСОБЫ ЭКСПЛИКАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ (на материале текстологии Л.Н.Толстого)

О.В.Ломакина

PROVERBS WITHIN A CONTEXT: THE MEANS OF COMMUNICATIVE INTENTION EXPLICATION (as exemplified L.N.Tolstoy's textology)

O.V.Lomakina

МГУ им. М.В.Ломоносова, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
rusoturisto07@mail.ru

В статье исследуются способы экспликации коммуникативного намерения при употреблении паремий: формальные, концептуальные. Иллюстративным материалом служат тексты Л.Н.Толстого разных стилей и жанров.

Ключевые слова: паремия, контекст, Л.Н. Толстой, экспликация коммуникативного намерения

The article analyzes some means of communicative intention explication while using the formal and conceptual proverbs. The material for illustrating these phenomena is taken from Leo Tolstoy's texts of various styles and genres.

Keywords: proverb, context, Leo Tolstoy, explication of a communicative intention

Потенциал лексико-фразеологической системы языка более широко проявляется в контексте, поскольку контекст «не рождает сам какого-либо значения языковой единицы; он лишь реализует, другими словами, дает статус существования подлинного значения соответствующей языковой единицы» [1]. Пословица, заключающая в себе дидактизм и назидательность, в контексте может выступать аргументирующим средством, играть воспитательную роль («воспитание индивида через опыт социума» [2]), служить способом уйти от ответа (т.е. реализовывать негативно-коммуникативную функцию [3]), обеспечивать связность речи в зависимости от прагматической цели говорящего / пишущего и его коммуникативного намерения. В некоторых случаях контекст обнаруживает новые смыслы паремии, а получают новое значение; тогда можно говорить о контексте порождения (термин В.И. Кодухова) [4].

Выбор языковых средств, в т.ч. паремий, зависит от коммуникативного намерения говорящего / пишущего (иллюкций), функционально-стилевой и жанровой принадлежности созданного текста. «В повседневном употреблении пословицы, как правило, используются для каких-то практических, прагматических целей: ими обосновывают свои положения, дают прогнозы, выражают сомнения, упрекают, оправдываются или извиняются в чем-то, утешают кого-то, издеваются и злорадствуют над кем-то, желают, обещают, разрешают, приказывают и запрещают и т.д.» (5). В художественном тексте паремии участвуют в создании образности произведения, т.к. «действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле» [6], являются текстообразующим и сюжетообразующим средством, которое формирует текстовое пространство, т.е. смысловой доминантой (см. подробнее: [7]).

Многоаспектное изучение языка писателей предполагает анализ паремиологического простран-

ства их текстологии, его лексикографическое описание.

В течение всей жизни Л.Н.Толстой обращался пословицам и поговоркам, записывал их, чтобы включать в художественные, эпистолярные и мемуарные тексты. Всего паремиологический корпус текстологии писателя содержит более 1200 как русских, так и иноязычных единиц. Цель данной статьи — рассмотреть, каковы способы экспликации коммуникативного намерения Л.Н.Толстого при употреблении пословиц в различных текстах.

К формальным способам экспликации коммуникативного намерения писателя можно отнести следующие: 1) графическую маркированность (заключение в кавычки),

2) определение природы высказывания (пословица, поговорка, народная мудрость и т.п.), что показывает желание говорящего сослаться на уже имеющееся мнение, заключенное в пословице. Проиллюстрируем примерами из текстов, относящихся к разным жанрам и стилям:

Ведь если бы она была совсем животное, она так бы не мучалась; если же бы она была совсем человек, то у ней была бы вера в бога, и она бы говорила и думала, как говорят верующие бабы: «Бог дал, бог и взял, от бога не уйдешь». Она бы думала, что жизнь и смерть как всех людей, так и ее детей вне власти людей, а во власти только бога, и тогда бы она не мучалась тем, что в ее власти было предотвратить болезни и смерти детей, а она этого не сделала» (Крейцера соната, гл. 16; 27: 43).

Ваша новая потеря больно поразила меня. Вот именно «кого бог любит, того и испытывает», т.е. что по силам людей посылаются им испытания (Письмо В.А.Молочникову 7 июля 1908 г.; 78: 161).

Может быть, я не просил, я отказался от него. «Ты на пядень, а он от тебя на сажень». Я не верил в него, но просил, и он все-таки не открыл мне

ничего. Я считался с ним и осуждал его, просто не верил («Записки сумасшедшего»; 26: 472).

В деревне руководством его поведения был общий деревенский склад жизни: хорошо было не болтаться, а работать и уметь работать, не робеть ни перед чем, быть выносливым, не поддаваться в обиду, ко времени и повеселиться, и выпить можно, и поругаться, и подраться, если не выдержишь. **«Кто богу не грешен, царю не виноват»**. Если выйдет случай попользоваться от богачей — не зевать, но своего брата не обижать, а по чести. Во всяком же случае об душе и о боге помнить, мало того, что к попу ходить и молитву творить в свое время, но и нищего не отгонять, а помогать по силе, по мочи («Кто убийцы? Павел Кудряш», 3; 37: 296).

Единичны примеры, в которых писатель соотносит пословицы с другим прецедентным текстом. Паремия находится в препозиции и выступает своего рода тезисом высказывания. Так образуется фразеологическая конфигурация, где актуализатором выступает прецедентное высказывание (фраза из Священного Писания, афоризм или просто услышанное чье-то мнение), которое лишь доказывают авторитет паремии:

Пословица говорит: сухая рука прижимиста, потная рука таровата. Так и в «Учении 12 апостолов» сказано: пусть милостыня твоя потом выходит из руки твоей («Путь жизни», IX, Тунеядство, VI: 17; 45: 146).

Вино не придает ни здоровья, ни сил, ни тепла, ни веселья, а приносит людям только большой вред <...>. Люди так дорожат старинными привычками и обычаями, с таким трудом отвыкают от них, что есть в наше время очень много хороших добрых и разумных людей, которые не только не оставляют употребления и угощения других пьяными напитками, но еще и защищают, как умеют, это употребление.

«Не укоризненно вино, — говорят они, — а укоризненно пьянство». Царь Давид сказал: «Вино веселит сердце человека». «Если бы не пить, то не было бы правительству самого главного дохода. Нельзя же встретить праздник, справить крестины, свадьбу без вина. Нельзя не выпить при покупке, продаже, при встрече дорогого гостя». «При нашей работе и нужде нельзя не выпить» — говорит бедный рабочий человек. «Если мы пьем только при случае и с умом, то мы этим никому вреда не делаем», — говорят достаточные люди. «Руси веселие есть питии», — сказал еще князь Владимир. «Мы своим выпиванием никому вреда не делаем, кроме себя. А если делаем вред себе, то это дело наше; мы никого не хотим учить и никем не хотим быть поучаемы; не нами это началось, не нами и кончится», — говорят легкомысленные люди («Богу или мамоне?»; 39: 108—109).

Промежуточное положение между формальными и концептуальными способами занимают контексты, где пословицы оцениваются говорящим по шкале хорошо — плохо. Чаше Л.Н.Толстой соглашается с пословицей, а одобрительное отношение высказывает при помощи различных языковых средств, чаще — определений:

«Щей горшок, да сам большой» — хорошая пословица, надо держаться ее («Путь жизни», VII, Излишество, II; 45: 109).

Поверьте, что хотя я только один раз видел вас, я знаю про вас столько хорошего, что это чувство совершенно взаимно! Но **старому лгать, что богатому красть**. Я очень люблю эту пословицу, она так ясно выражает часто испытываемое мною в старости чувство (Письмо Н.Н.Неплюеву 10 декабря 1893 г.; 66: 446).

Прекрасная пословица: **живой живое и думает** — то есть что, пока человек жив, он не может весь не отдаваться интересам этого мира. От этого так страшна смерть, когда человек, полный жизни, думает о ней. Когда же приближается смерть раной, болезнью, старостью, человек перестает думать о живом и смерть перестает быть страшною (Дневники, 7 марта 1904 г.; 55: 17).

Как хороша старинная поговорка о том, что **бог посылает страдания тому, кого любит!** Для того, кто верит в это, страдание не страдание, а благо («Путь жизни», XXVIII, Зло, 5; 45: 446).

В редких случаях Л.Н.Толстой не соглашается с народной мудростью, но свое мнение аргументирует. Например:

Совершенно ложное мнение: **дай бог подать, не дай бог взять**. Одно не лучше и не хуже другого. — Если же сравнивать, что лучше: просить у людей и докучать им, когда истинная нужда, или ни у кого не просить, никому не докучать и еще подавать другим, обеспечив свое состояние нехристианским путем: службой, кабаком, ростовщичеством и вообще делом, к[оторое] сам считаешь не добрым (Письмо С.Т.Семёнову 20 марта 1890 г.; 65: 55)

Ум хорошо, а два лучше — говорит пословица; а я говорю: одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине, а другая в панталонах, еще хуже (Письмо А.А.Толстой 27 ноября 1865 г.; 61: 121).

Я веду довольно правильную жизнь. Утром пишу, всё переделываю, дополняю то, что при вас писал. Я и прежде говорил и чувствую справедливость, что надо говорить не **«скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается»**, а наоборот — **«скоро дело делается, а не скоро сказка сказывается»** (Письмо Е.И.Попову 1—10 ноября 1889 г.; 64: 328).

Я не переставая работаю и спешу, сколько могу и сколько позволяет мне мое слабое нынешний год здоровье. Пословица говорит: **скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается**, а я говорю: скоро дело делается, а не скоро сказка сказывается. И это так и должно быть, потому что дела самые большие разрушаются, и от них ничего не остается, а сказки, если они хороши, живут очень долго (Письмо А.Ф.Марксу 8 октября 1899 г.; 72: 207).

Есть две пословицы: **«От работы будешь горбат, а не будешь богат»** и еще: **«От трудов праведных не наживешь палат каменных»**. Пословицы эти несправедливы, потому что лучше быть горбатым, чем быть неправедно богатым, и труды праведные много лучше, чем палаты каменные («Путь жизни», IX, Тунеядство, 12; 45: 145).

Несомненный интерес представляют пословицы, получившие в тексте актуализацию. Подобное употребление носит концептуальный характер: здесь экспликация коммуникативного намерения получает наибольшее воплощение.

Одним из концептуальных способов является авторской «самодефиниции» (термин А.М.Мелерович, В.М.Мокиенко) [8] — семантизация в тексте для раскрытия смыслового содержания пословицы:

— **В тесноте, да не в обиде**, — сказал певучим голосом улыбающийся Тарас и, как перышко, своими сильными руками поднял свой двухпудовый мешок и перенес его к окну. — Места много, а то и постоять можно, и под лавкой можно. Уж на что покойно. А то вздорить! — говорил он, сияя добродушием и ласковостью («Воскресение», ч. 2, гл. XLI; 32: 355).

— Это как есть, — певучим голосом говорила сторожиха. — **Бедному жениться и ночь коротка**, богатому только задумал, загадал, — все тебе, как пожелал, так и сбудется. У нас такой, касатка, почтенный, так что сделал... («Воскресение», ч. 1, гл. XLIX; 32: 167)

В некоторых случаях значение единицы, раскрывающееся через авторское толкование, может и не совпадать с тем, которое имеет данная паремия в языке. Например, пословица *Дело середкой крепко* вместо узуального значения 'самое главное, существенное в любом деле — середина' получает в толстовском тексте иное значение: 'самое трудное, мучительное — середина':

Дело середкой крепко. И начать легко и доделывать легко. А вот середка! (Письмо Л.Л. и Т.Л.Толстым 6 марта 1894 г.; 67: 73)

Иногда отношение к используемой паремии может выражаться при помощи двойной экспликации, что создается при помощи паремиологического контекста, в результате чего пословица получает еще больший аргументативный характер. В следующем примере писатель в минимальный контекст добавляет паремии *Пословица не мимо молвится*, которая располагается в постпозиции по отношению к двум другим паремиям, что не только усиливает паремиологический контекст, но и демонстрирует авторское отношение к предмету речи:

Пословица говорит: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». «От трудов будешь горбат, а не будешь богат».

И пословица не мимо молвится. Большое богатство наживается не трудами, а грехами. От этого большое богатство тяжесть, а не радость для хорошего человека. Не пропускает большое богатство людей в царство божие («Беседы с детьми по нравственным вопросам»; 37: 35).

В приведенном примере пословицы *От трудов праведных не наживешь палат каменных* и *От трудов будешь горбат, а не будешь богат*, относящиеся к одной тематической группе «богатство — бедность», употреблены как синонимы и выступают в качестве тезиса высказывания. С паремии *Пословица не мимо молвится* писатель начинает следующий

абзац, который представляет собой аргументацию тезиса. В следующем примере таким образом создается паремиологически насыщенный контекст: Матрена из драмы «Власть тьмы» доказывает правоту своих слов при помощи пословицы, а паремия *Пословица недаром молвится* выполняет функцию актуализатора, тем самым увеличивая аргументативный потенциал пословицы:

Матрена. Да, видно, пословица недаром молвится: бедному жениться и ночь коротка. Семен Матвеевич за себя Маринку взял («Власть тьмы», д. 2, явл. 7; 26: 154)

Анализ текстологии Л.Н.Толстого наглядно продемонстрировал различие в способах экспликации коммуникативного намерения говорящего / пишущего при употреблении паремий. Формальные способы, при которых писатель как бы «ограждает» себя от пословицы, свидетельствуют о том, что Толстой учитывает авторитет пословицы, но при этом указывает, что это «чужой» текст (графическая маркированность и указание на источник высказывания). В эпистолярных и дневниковых текстах писатель выражает свое отношение к пословице, соглашается или не соглашается, иногда спорит, дополняет ее. В художественных текстах пословица вплетена в ткань произведения, однако писатель все равно прибегает к авторскому толкованию единицы. Создаваемый паремиологически насыщенный контекст усиливает экспрессию высказывания, что увеличивает аргументативный потенциал пословицы. Все эти выводы дополняет сведения о языке Л.Н.Толстого, который активно употреблял паремии в текстах разных стилей и жанров в течение всей творческой жизни.

1. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 2010. С. 33.
2. Николаева Т.М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии // Малые формы фольклора. Сб. ст. памяти Г.Л.Пермякова. М., 1995. С. 311.
3. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988. С. 89.
4. Кодухов В.И. Контекст как лингвистическое понятие // Языковые единицы и контекст: сб. науч. трудов / Под ред. В.И.Кодухова. Л., 1973. С. 7-32.
5. Крикманн А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы // Паремиологический сборник: пословица, загадка (структура, смысл, текст). М., 1978. С. 94.
6. Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 142.
7. Ломакина О.В. Фразеологизмы и пословицы как смысловые доминанты художественного текста (на материале произведений Л.Н.Толстого) // Вопросы филологии. 2011. № 2. С. 67-72.
8. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома, 2008. 484 с.

Источник

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. М., 1928—1958.

References

1. Kolshanskii G.V. Kontekstnaia semantika [Contextual semantics]. Moscow, 2010, p. 33.
2. Nikolaeva T.M. Obobshchennoe, konkretnoe i neopredelennoe v paremii [General, specific and neutral ones in paro-

- imia]. Malye formy fol'klora. Sb. st. pamiati G.L.Permiakova [Folklore variety. In memory of G.L.Permiakov]. Moscow, 1995, p. 311.
3. Permiakov G.L. K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda [On the structure of the paroemiological stock]. Permiakov G.L. Osnovy strukturnoi paremiologii [Introduction to structural paremiology]. Moscow, 1988, p. 89.
 4. Kodukhov V.I. Kontekst kak lingvisticheskoe poniatie [The context as a linguistic item]. Iazykovye edinitiy i kontekst [Linguistic units and the context]. Leningrad, 1973, pp. 7-32.
 5. Krikmann A. Nekotorye aspekty semanticheskoi neopredelennosti poslovitsy [Some aspects of semantic uncertainty of a proverb]. Paremiologicheskii sbornik: poslovitsa, zagadka (struktura, smysl, tekst) [Collected book on paremiology: proverb, riddle (structure, meaning, text)]. Moscow, 1978, p. 94.
 6. Vinokur G.O. Filologicheskie issledovaniia: Lingvistika i poetika [Philological studies: Linguistics and poetics]. Moscow, 1990, p. 142.
 7. Lomakina O.V. Frazеologizmy i poslovitsy kak smyslovye dominanty khudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedenii L.N.Tolstogo) [Idioms and proverbs as semantic dominants of a literary text (on the material of the works by L.N.Tolstoy)]. Voprosy filologii, 2011, no. 2, pp. 67-72.
 8. Melerovich A.M., Mokienko V.M. Semanticheskaya struktura frazeologicheskikh edinitiy sovremennogo russkogo iazyka [Semantic structure of phraseological units of the modern Russian language]. Kostroma, 2008. 484 p.

Source

Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochinenii v 90 t [Complete works in 90 vols]. Moscow, 1928—1958.